

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ИММИГРАНТАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1860—1884 гг.)*

Елена Ивановна НЕСТЕРОВА,
аспирант кафедры истории Отечества ДВГУ

Традиционный взгляд на проблему присоединения Приамурья к России связан с представлением, что Россия приобрела малозаселенные территории, однако просматривается и другой аспект: в течение длительного времени проживавшие здесь русские подданные имели незначительный численный перевес по отношению к другим категориям населения. К моменту официального включения региона в состав Российской империи русских здесь проживало 6349 чел. (в Приморской области — 3399, в Амурской — 2950) при общем числе около 24 тыс. (1). Через 18 лет после заключения Пекинского договора русских в данных областях уже насчитывалось 62958 чел. (59%) (2). Поэтому среди проблем, требовавших безотлагательного решения русской администрацией было формирование эффективной системы контроля и управления на территории края, где проживали также и китайские подданные. Этой малоисследованной странице истории и посвящена статья.

Айгуньский (ст.1) и Пекинский (ст.1) договоры зафиксировали не только присутствие на территории, отошедшей к России, китайцев, но и разный уровень знания китайских властей о местах проживания и деятельности своих подданных. Если в первом случае речь идет о географических границах территории, то во втором отражена скорее гипотетическая возможность такого присутствия. Не больше знала о китайцах Уссурийского края и русская сторона. К моменту подписания Пекинского договора Н.Н. Муравьев сообщил Н.П. Игнатьеву, что на пространстве от р. Уссури до моря обнаружены лишь одинокие беглые китайцы (3).

Можно выделить два основных типа китайских общин, существовавших во второй половине XIX в. в Приамурье: общины, где была сохранена официальная маньчжурская система управления на основе государственного права Китая, и самоуправлявшиеся, выработавшие со временем собственные кодифицированные законы. Вариантом второго типа являлись общины, руководство которых получило статус китайских государственных чиновников. Эта классификация применима к автономным общинам, члены которых занимались таежными и морскими промыслами, а также сельским хозяйством.

Первый тип характерен лишь для района проживания зазейских маньчжуров. В 1881 г. на пространстве 1500 кв. верст от р. Зеи до ст.Черняевой постоянно жили около 13700 китайских подданных, из них 12204 чел. семьями (18). Сельские общества зазейских маньчжуров управлялись старшинами, кото-

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования РФ.

рых назначали китайские власти. В зависимости от числа жителей в каждом селении за порядком наблюдали от 2 до 6 старшин. Прежде всего — за исправностью путей сообщения, сборами в казну, отправкой людей на службу по требованию правительства и за работой сельского суда. В 80-х годах XIX в. ежегодно китайские чиновники со всех хозяйств, находившихся в Амурской области, собирали в китайскую казну, около 460 пудов конопли, 1204 воза угля и около 37000 пудов буды (типа проса или гаоляна. — **Е.Н.**). Весь хлеб сдавался в Айгунь (20).

Проживание маньчжуров на русской территории стало существенной проблемой для российской администрации. Любые ее действия (попытки обмеживания, переписи и т.д.) в отношении этой группы населения вызывали немедленную реакцию со стороны не только приграничных китайских властей, но и Пекина. Решилась эта проблема в 1900 г., когда во время восстания ихэтуаней маньчжуры вынуждены были покинуть левый берег Амура.

В Амурской и Приморской областях китайские подданные организовали самоуправлявшиеся общины. Факт их существования не был тайной для русской администрации, однако обнаружение списков законов организации «Гун и хуэй» и ей подобных показало нерешенность «китайского вопроса» в Приамурье. В исторической литературе этому типу организаций уделено достаточно внимания (21). Как уже отмечалось, иногда старшины получали из Китая инсигнии власти, что повышало их статус в глазах китайского населения, легитимизируя власть на уровне признания государством. Старшина становился государственным чиновником, а пространство, на которое распространялась его власть, воспринималось китайцами как часть Китайской империи. В этом случае устанавливались тесные контакты общины с ближайшей китайской администрацией, откуда в Приамурье командировали чиновников, поступали императорские указы и другие распоряжения.

С возникновением русских городов и крупных деревень китайские эмигранты создали свои сообщества и там. Позицию центральной русской власти относительно китайских поселенцев в Уссурийском крае на начальном этапе взаимодействия сформулировал министр иностранных дел А.М. Горчаков (1860), рекомендовавший при занятии правого берега р. Усури «поступать с теми из китайских поселенцев, которые захотят оставаться в наших владениях, совершенно так же, как с туземными жителями при-Амурского края, то есть нисколько не вмешиваясь в их внутреннее устройство, сохранить им все те права, которыми они пользовались до сих пор» (4). Этим принципом русская администрация руководствовалась вплоть до конца 60-х годов XIX в. Такая позиция обуславливалась малочисленностью русских чиновников, а также взглядом на китайское население как на «неудобное» наследство, временный атрибут этой территории, от которого предстоит со временем избавиться.

Фактором, инициировавшим внимание представителей власти к китайскому населению, а также определившим отношение к китайцам, явились события 1868 г., вошедшие в историографию под названием «манзовской войны». Они высветили для русской власти проблему существования китайского населения как субъекта, влиявшего на ситуацию в крае, который необходимо было учитывать, принимая политические решения в общей системе управления.

Во время этих событий в Приморской области находился генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, докладывавший в Петербург, что в южной части Приморской области китайское население «... не считает себя в зависимости от Русского Правительства, управляется своими выборными, на основании обычаев, и всякое вмешательство русских властей считает посягательством на свои права» (5). В ходе визита генерал-губернатора были сдела-

ны конкретные шаги, улучшившие систему управления краем: разделение на округа, принятие решения о введении конных постов вдоль границы, поручение «произвести полную опись всем находящимся в крае фанзам и живущим в них китайцам и вообще иметь за (их. — **Е.Н.**) действиями... бдительный надзор» (6). Тогда же была предпринята первая попытка подчинения органов китайского самоуправления русским властям. Предполагалось, что «старшины хотя и будут выбираться манзами, но утверждение их будет зависеть от окружающих начальников, и власть их суда будет простираться на преступления маловажные» (7).

Результатом этой поездки было издание в августе 1869 г. секретного постановления о том, что с переходом Южно-Уссурийского края во владение России, жители его становились русскими подданными (8). Единственное, что не было сделано, — жителям не сообщили об изменении их статуса, поэтому зачастую китайцы не знали о своем подданстве Российской империи. Половинчатость действий русской администрации — свидетельство неуверенности М.С. Корсакова в законности этого решения.

Ситуация привлекла внимание центра, и в 1869 г. по высочайшему повелению в Приамурском крае работала комиссия под руководством генерал-адъютанта Сколково. По ее результатам был подготовлен документ «Соображения Высочайше назначенной в Приамурский край комиссии», в котором сформулирована задача русской власти в отношении китайцев: «подчинение их нашим законам и властям...» (9). Комиссия возбудила вопрос об обложении поземельной податью китайцев, имевших фанзы и занимавшихся земледелием, «с целью укоренения убеждения, что они проживают на русской территории и уточнения их численности» (10). С этим предложением не согласился военный губернатор Приморской области И.В. Фуругельм, нашедший такую меру несвоевременной.

Нельзя обойти вниманием мнение члена комиссии от военного ведомства, который отметил, что китайское население «по малочисленности своей в настоящее время не заслуживает особых жертв, и вряд ли нужно создавать для него особую администрацию...» (11). Им признавалась преждевременность создания органов гражданского управления не только для китайского, но и для русского населения. В результате комиссия не сочла нужным подчинить округа особым гражданским властям, а оставила «заведование ими на офицерах войск в крае находящихся» (12), наделив их правами в отношении гражданского населения, равными компетенции исправников (13). Возражения М.С. Корсакова о неэффективности подобных мер не были приняты, и подчинение китайцев русской власти осталось лишь номинальным, ибо отсутствовал механизм реального контроля и управления. «Всю гражданскую администрацию в этих округах составляли 4 лица, служившие единоличными органами по всем отраслям гражданского управления». В Суйфунском округе должность окружного начальника была возложена на заведующего командой Новгородского поста, который в течение нескольких лет не выезжал в округ, «за окончательным отсутствием средств к передвижению, кроме пары собственных ног» (19). Не лучше обстояли дела и в других округах.

В 1871 г. генерал-губернатором Восточной Сибири стал Н.П. Синельников, который до введения гражданского управления предложил руководствоваться разработанным им «Проектом правил об управлении Уссурийским краем». По проекту китайцы в каждом селении должны были выбрать подчинявшегося окружному начальнику старшину, объем прав и обязанностей которого подробно регламентировался. Однако проект вызвал возражения военного министра и не был реализован (26). Тем не менее Синельников командировал

в распоряжение Приморского военного губернатора А.Е. Кроуна полковника Черняева, с задачей «заведования всем населением как русским, так и инородческим» (14). Но из-за конфликта между А.Е. Кроуном и Н.П. Синельниковым поручение полковник не выполнил.

Тем временем и среди представителей местной администрации более низкого ранга рождались различные проекты управления и налогообложения китайцев. Один из них был составлен начальником Ханкайского округа подполковником Марковым, предлагавшим иметь на реке выборного старшину, который бы отвечал за хозяев, которые в свою очередь несли ответственность за своих рабочих. Хотя большинство предлагавшихся в конце 60-х — начале 70-х годов мер не было реализовано, однако они послужили фундаментом, на котором строилась политика русской администрации в 80—90-е годы. Именно в этот период произошло рождение образа китайцев не только как чуждых, но и опасных для россиян людей.

После «манзовской войны» число китайцев, находившихся в Приамурском крае, значительно сократилось. Однако принятое в середине 70-х годов решение использовать на строительных работах выписанных по контракту на два года из Шандуня и Чжили мастеровых вновь открыло китайцам двери в Уссурийский край (15).

Особенностью ситуации в Приамурье являлось то, что китайским мигрантам не пришлось вписываться в российскую структуру управления, находившуюся в стадии формирования. Русские власти на ранних этапах делали слабые попытки включения китайских общин в сферу русской административной системы из-за неясности статуса китайских подданных. В отчете военного губернатора за 1893 г. отмечалось: «До 1883 года лучшие местности Южно-Уссурийского края были заняты китайцами, которые, не признавая русской власти, распоряжались в крае как хотели... Русская администрация... не имела возможности не только остановить наплыв китайцев, ежегодно увеличивающийся, и управлять живущими уже здесь, но даже часто не знала, где и в каком количестве живут китайцы, и последние жили и управлялись у нас своими старшинами, по своим же законам» (16).

Таким образом, на территории русского Приамурья формировались независимые и долгое время не пересекавшиеся системы управления: русская, основанная на законодательстве Российской империи, распространявшая свое действие на русское население, и китайская, формировавшаяся на основе китайского обычного права. Эти законы и правила, как отмечали члены комиссии по изучению «желтого вопроса» (1914), «частью вытекали из конфуцианской морали и учения классиков, частью же из практических условий, нужд и стремлений поселенцев» (17).

Увеличение числа китайцев в Приамурье заставило русскую администрацию в конце 70-х годов сформулировать основные принципы налогообложения и управления, среди которых было введение билетной системы, коллективная ответственность китайцев наряду с ответственностью старшин за свою группу. Введение русского налогообложения многими рассматривалось не с точки зрения экономической, а как способ укоренения сознания принадлежности данной территории к Русскому государству. Из предлагавшихся вариантов поземельного и подушного налога впоследствии получил широкое применение второй.

Финансовое обложение китайцев вводилось поэтапно. В мае 1876 г. было получено разрешение налагать на китайцев штрафы за нарушение табачного устава, в июле того же года «велено преследовать уличенных в промысле... золотом». В мае 1879 г. принято решение ввести обложение пошлинами и

сборами китайцев за право торговли далее 50-верстного расстояния от границы наравне с русскими подданными (22), однако введение полноценного налогообложения затягивалось. Идея обложения податью была представлена генерал-губернатором Восточной Сибири П.А.Фредериксом в рапорте от 21 октября 1878 г. на имя председателя Государственного Совета; суть идеи — введение небольшого налога (от 50 коп. до 1 руб.) на работника в возрасте от 18 до 60 в течение первых 5 лет (23). Фредерикс считал эту меру необходимой «для утверждения авторитета русской власти между инородцами, которые продолжают считать себя китайскими подданными» (24). Министр внутренних дел, ознакомившись с проектом П.А. Фредерикса, предложил полученные средства направить на содержание окружного начальника, подчинив ему всех полицейских чинов области и Уссурийской казачьей сотни и возложив на него обязанности по заведованию пограничными делами и надзор за китайцами (25). Однако окончательного решения не последовало.

Ситуация начала меняться в начале 80-х годов XIX в. Осложнение русско-китайских отношений в связи с событиями в Северо-Западном Китае заставило русское правительство обратить внимание на оборону границ Восточной Сибири, которая прежде не рассматривалась как возможный театр военных действий. В связи с этим администрация Восточной Сибири активизировала попытки контролировать китайское население. Большинство проектов относилось к тем, кто проживал в городах или крупных селах. В начале 80-х годов надзор за китайцами возложили на полицейские власти. В 1881 г. генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину были представлены проекты по организации управления китайским населением, подготовленные военным губернатором Владивостока А.Ф. Фельдгаузенем и военным губернатором Приморской области И.Г. Барановым. А.Ф. Фельдгаузен отмечал, что до настоящего времени надзор за китайцами и управление ими принадлежали полиции (27). Но практика показала, что полиция не могла с этим справиться из-за незнания языка. В связи с этим А.Ф. Фельдгаузен предлагал образовать при канцелярии губернатора отдельный стол по делам китайцев и корейцев, разделить китайцев на два участка, избрать из их среды старшин и по одному помощнику на каждый участок.

Все китайские подданные, приезжавшие во Владивосток, обязаны были иметь билеты своего правительства. Визированные в русском консульстве билеты китайцы должны были предъявлять в проектировавшемся столе канцелярии, где им предполагалось выдавать после уплаты налога русские билеты (28). В инструкции, данной полиции, определялся круг обязанностей участковых выборных китайцев и их помощников: вести наблюдение за прибывшими (отбывшими) китайцами, оказывать помощь полиции в расследовании уголовных дел, присутствовать при их разборе, следить, чтобы на участках не было хунхузов; а также за санитарным состоянием мест проживания, выступать в качестве помощников при найме китайцев по подрядам, выполнять функции переводчиков в цепочке власть — китайцы, содействовать в сборе налогов с китайского населения, контролировать подлинность билетов, доставлять китайцев по повесткам в полицию. Указывалось, что если китайцы не выберут участковых, то их назначит полиция. Содержание участковых возлагалось на плечи китайского населения. Особо оговаривалось, что цель всех мероприятий — не самоуправление, а подчинение властям. Последний пункт гласил «... если (китайцы) не согласны, то вся бродячая масса населения будет высылаться из города» (29). А.Ф. Фельдгаузен считал, что «кроме повинностей и городских сборов манзы и китайцы должны платить от фанзы по 5 рублей и с каждого лица по 3 рубля при выдаче русского билета на жилье в пределах

России. ... польза края и государства требует беспощадной эксплуатации манз и применения во всей строгости русских законов к ним» (30). Но решение проблемы во Владивостоке не снимало ее остроты в области.

В своем проекте военный губернатор Приморской области И.Г. Баранов констатировал, что при существующих порядках не может считать себя хозяином, настолько «сильно парализующее влияние китайской пограничной администрации на китайское население Края...» (31). Несмотря на столь пессимистический взгляд, И.Г. Баранов стремился утвердить принцип законности в отношении китайцев. Свое мнение по «китайскому вопросу» он излагал генерал-губернатору следующим образом: «Взгляд на китайцев вообще всеми пограничными властями был усвоен непонятно ошибочный, считали вправе всякие репрессии и произвол над ними. Надеюсь вырвать с корнем подобное направление и всем внушить, что на нашей земле все без различия должны пользоваться покровительством закона наравне с русскими» (32).

Для нормализации ситуации в деле управления китайским населением под его руководством была составлена «Записка о личной и юридической правоспособности китайцев в Приамурском крае» (1881). В записке отмечалось, что вопрос о подданстве всех проживающих китайцев и маньчжуров (за исключением зазейских маньчжуров) остается открытым, так как предписание М.С. Корсакова считать китайцев русскими подданными «так и осталось без всякого применения тайною канцелярии», не было указано «ни способа натурализации, ни административного строя для новых подданных». В целях совершенствования управления И.Г. Баранов предлагал разделить население на две категории: китайцев, натурализованных русскими, и подданных Китая, провести съезд с участием военных губернаторов Приморской и Амурской областей, цзянь-цзюней (губернаторов) Хэйлунцзянской и Гириной провинций, решение которого оформить в виде дополнительного договора, получившего правительственные санкции, и объявить его населению. Далее совместная русско-китайская комиссия должна провести перепись с целью установления гражданства и вручить каждому соответствующий национальный паспорт. Независимо от деятельности этой комиссии русскими властями должен быть утвержден порядок натурализации в России желающих китайских подданных. Лиц I категории распределить по сословиям, а II — признать иностранцами. Особо отмечалась необходимость выяснения вопроса об ответственности китайцев перед российскими законами (34).

Параллельно с созданием проектов на местах генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин 12 января 1881 г. в письме к руководителю Русской императорской миссии в Пекине А.И. Кояндеру отмечал, что «Китайские власти ... по-прежнему не оставляют попыток то явно, то скрытно... собирать с них (китайского населения) подати... поэтому необходимо обложить туземцев повинностями». Д.Г. Анучин считал полезным придерживаться размера и характера поземельных налогов и повинностей, существовавших в Китае, хорошо знакомых «иноплеменному населению» Амурской и Приморской областей. Наряду с этим он отмечал: «из сочинений Иакинфа и наших путешественников мы можем представить весьма смутно характер аграрного законодательства в Китае» (35). Однако из ответа, вскоре пришедшего из Пекина, следовало, что китайский опыт не применим к нашим условиям. Тем не менее и позже Д.Г. Анучин продолжал интересоваться мировым опытом. В 1882 г. он обращался к Н.К. Гирсу с просьбой выслать ему текст принятого палатой представителей конгресса США билля о запрещении переселения китайцев в течение 10 лет, мотивируя тем, что ознакомление с ним может принести немалую пользу у нас (36).

Практические шаги по реализации плана И.Г. Баранова сделаны в Приморской области в 1881 г., когда впервые были вывешены объявления на русском и китайских языках, в которых от имени Приморского военного губернатора китайцам, проживавшим в Южно-Уссурийском крае, разрешалось остаться в нем и свободно заниматься земледелием, торговлей и разными промыслами. При этом запрещалось истребление лесов при собирании древесных грибов, устройство засек для ловли зверей и хищническая разработка золотых россыпей. Из текста объявления следовало, что проживавшие в крае китайские крестьяне находились под покровительством русских законов и должны были подчиняться русским властям.

До сведения китайцев доводилось, что отныне они будут привлекаться к несению натуральных повинностей наряду с русскими крестьянами, предписывалось избрать из своей среды старшин и их помощников, которые должны были утверждаться начальником и пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края, после чего им предполагалось выдать печати. Это было нормой в практике российского делопроизводства, связанного как с крестьянскими обществами, так и с малочисленными народами: печати выдавались родовым старейшинам тунгусов, якутов, эвенков и др., что удивительно совпало с китайской традицией — печать была непременным атрибутом не только чиновника, но и любого социально значимого человека, их имели купцы, промышленники и т.д.

Все китайцы должны были беспрекословно исполнять законные требования старшин, через них планировалось доводить распоряжения русских властей. Китайцам разрешалось выбирать из своей среды судей, которые могли судить в соответствии с китайскими обычаями, однако вводился запрет на смертную казнь. Отдельный пункт касался необходимости выдачи русских билетов (38).

Действия русских властей не остались незамеченными в Китае и вызвали ответную реакцию как по каналам дипломатическим, так и неофициальным: китайские власти заявляли неоднократные протесты. Показателен текст одного из них, перевод которого И.Г. Баранов представил Д.Г. Анучину 22 ноября 1881 г. В письме гиринский цзянь-цзюнь, напомнив содержание 1 и 8 статей Пекинского договора, сообщал: «... к югу и востоку от Хунчуна в округах Сучанском и Суифунском есть районы, занятые китайцами, где они занимаются звериным и рыбным промыслами. Пограничный Комиссар Почтенной Державы разослал объявления народу и, поставив чиновника для заведования китайцами, останавливает их занятия промыслами, не уведомив об этом местного чиновника Срединного Государства и не посоветовавшись с ним, что по истине не согласуется с статьями договоров» (37). Далее он ставил в известность русскую администрацию, что для «ограждения китайцев в местностях Хунчуна, Сучана и других командирован чиновник, имеющий 3 разряда Лицзинюнь». Послание заканчивалось просьбой приказать пограничному комиссару, чтобы он со дня приезда «имеющего павлинье перо Ли по делам заведования китайцами, сносился с ним» (39).

В середине октября 1881 г. в урочище Новокиевское прибыл гражданский начальник Хунчунской области Лицзинюнь с намерением встретиться с военным губернатором Приморской области, но тот оказался в Хабаровске, и встреча не состоялась (40).

Вопрос о принятии китайцев в русское подданство обсуждался в 1882 г. в Государственном Совете, члены которого высказались против приема, оставив генерал-губернатору право делать в важных случаях исключения (41). В

связи с этим проект И.Г. Баранова как комплекс мероприятий реализован не был. Однако 15 июня 1882 г. высочайше был утвержден ежегодный отпуск 20800 руб. на устройство полицейских учреждений в Южно-Уссурийском крае, в составе 1 исправника, 6 земских заседателей, 2 переводчиков при исправнике и по одному толмачу при каждом заседателе (42). В Петербурге, видимо, полагали, что этих сил достаточно для того, чтобы осуществлять полноценный надзор за многотысячным китайским населением.

1882 г. стал годом начала нового этапа переселения русских крестьян в Приамурский край. С этого момента, как справедливо отметила исследователь Т.Н. Сорокина, наряду с политикой «приручения» китайцев к русской власти начинает применяться политика выселения оседло проживавших в крае китайцев (43). В 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин отдал распоряжение Приморскому губернатору: «В тех случаях, когда по серьезным причинам новое поселение желательно водворить на землях, уже занятых китайцами, местная полицейская власть разбирает право китайцев на занятие участков, и если эти права недостаточны, то можно удалить китайцев, не иначе как с Вашего каждый раз разрешения, ... дозволив им беспрепятственно снять посеянный хлеб и овощи (перевезти постройки) и прочее» (44). Это решение послужило для местной областной администрации законодательной базой для совершения экспроприации земель. Китайские власти пытались защитить своих соотечественников, апеллируя к соответствующим статьям Пекинского договора, но в силу «открытости» текста, описывавшего на момент заключения малоизвестную обоим договаривавшимся сторонам ситуацию, русские дипломаты вполне резонно отвечали, что «рыбные и зверовые промыслы ничего не имеют общего с земледелием» (45).

В 1883 г. И.Г. Баранов, характеризуя положение, писал, что «по истари заведенному порядку китайцы без всяких заявлений властям и по собственному произволу селятся в разных трущобах и разрабатывают землю... часто меняя местожительство и род занятий, что затрудняет осуществление контроля за ними». Из всех категорий проживавших в области китайцев лишь купцы ежегодно брали торговые документы, остальные не только не платили никаких сборов, но даже не несли общественных повинностей. (46).

Для изменения ситуации И.Г. Баранов считал необходимым принятие мер, способствовавших укреплению русской власти. Прежде всего введение билетного сбора с китайцев вне зависимости от их вида деятельности. Выдача билетов позволяла не только вести учет прибывших китайцев, но и давала возможность взыскивать все положенные налоги и сборы. Кроме того, по мнению И.Г. Баранова, нужно было «... стремиться изжить фермерство, и сгруппировать манзовское население... образовать деревни и затем постепенно ввести относительно управления китайским населением действующие в Приморской области правила по управлению крестьянским населением в Амурской области» (47).

Вопрос о необходимости устройства органов низшей администрации китайского оседлого населения обсуждался в Санкт-Петербурге на особом совещании по Амурским делам, посвященном целесообразности выделения из состава Восточной Сибири Приамурского генерал-губернаторства. В итоговых документах, принятых на заседании 18 и 24 июня 1883 г., отмечалось, что Приамурский край имеет для России высокое государственное значение в политическом отношении, в связи с чем констатировалась необходимость создания отдельного генерал-губернаторства. Среди главных мер по упрочению положения в крае называлось подчинение проживавших в крае китайцев рус-

ским законам и властям. Отмечалось, что введение полицейского контроля за китайским населением являлось явно недостаточной мерой. Указывалось на необходимость организации сельского управления в китайских деревнях и отдельных фанзах, для этого предлагалось назначить в каждый участок необходимое число нижних полицейских агентов. Для обеспечения законности министру внутренних дел было поручено разработать предложения «о лучшей организации низших административных полицейских органов в Южно-Уссурийском крае для обеспечения в нем спокойствия, а также о необходимых мерах для подчинения нашим законам и властям, живущих там китайцев» (48). Кроме того, предлагалось ввести обложение податями и пошлинами китайцев за право производства на территории Приамурья различных промыслов. Эти предложения получили высочайшее одобрение 5 июля 1883 г. (49).

Таким образом, в период нахождения территории Приамурья в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства русская администрация не смогла разработать и осуществить целостную программу, обеспечивавшую эффективный контроль и управление китайским населением на русской территории. Нам представляется, что наиболее весомыми причинами этого были:

- на начальном этапе освоения территории недооценка значения этой этнической группы как политического фактора и как следствие представление о нецелесообразности создания для нее специальных структур управления;

- исключение китайского вопроса из числа приоритетных в силу малочисленности администрации и неисчислимости проблем, требовавших безотлагательного решения;

- отсутствие правовой базы, позволявшей в законодательном порядке разрешать ситуации, характерные для Приамурья;

- отсутствие чиновников, способных принимать решения с учетом национальной специфики китайцев;

- зависимость местной администрации от центра, отдавшего приоритет общегосударственным интересам в ущерб региональным;

- влияние конкретной ситуации русско-китайских отношений;

- отсутствие преемственности в политике, проводившейся генерал-губернаторами, зависимость этой политики от личных качеств администраторов и их взгляда на китайский вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв. Хабаровск, 1997. С.324.
2. ГАПК. Ф.530. Оп.1. Д.17. Л.107.
3. Мясников В.С. Указ. соч. С.319.
4. РГА ВМФ. Ф.410. Оп.2. Д.1633. Л.267 об.
5. ГАПК. Ф.530. Оп.1. Д.17. Л.33.
6. РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.134. Л.35.
7. РГА ВМФ. Ф.1167. Оп.1. Д.2.Л.91 об.
8. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.1. Д.34. Л.180 об.
9. РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.178. Л.84.
10. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.282. Л.1 об.
11. РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.178. Л.166.
12. РГА ВМФ. Ф.410. Оп.2. Д.4184. Л.208.
13. Там же. Д.4272. Л.378.
14. Там же. Д.4246. Л.67.
15. РГИА ДВ. Ф.560. Оп.28. Д.832. Л.299 об.

16. ГАПК. Ф.530. Оп.1. Д.17. Л.162.
17. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.479. Л.2.
18. РГИА ДВ РФ. Ф.701. Оп.1. Д.232. Л.46.
19. РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.856. Л.194 об.
20. РГИА ДВ. Ф.701. Оп.1. Д.232. Л.59.
21. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С.166—177; Петелин И.И. Китайское общество Гун-и-хуэй в Уссурийском крае. Владивосток, 1909; Сухачева Г.А. Китайские тайные общества во Владивостоке в конце XIX — начале XX вв. // Китай, китайская цивилизация и мир. М., 1993. Ч.2. С.176—180.
22. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.34. Л.180 об. 181.
23. ГАПК. Ф.530. Оп.1. Д.17. Л.117.
24. РГА ВМФ. Ф.410. Оп.2. Д.4272. Л.384 об.
25. Там же. Д.4246. Л.384.
26. РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.290. Л.2—16.
27. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.55. Л.64 об.
28. РГИА ДВ. Ф.701. Оп.1. Д.55. Л.139—140.
29. Там же. Д.232. Л.42—43.
30. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.55. Л.140—145.
31. Там же. Ф.701. Оп.1. Д.124. Л.21, 21 об.
32. АВПРИ. Ф.327. Оп.579. Д.313. Л.66.
33. Там же.
34. РГИА ДВ. Ф.701. Оп.1. Д.124. Л.25 об.-31.
35. Там же. Д.233. С.1—2.
36. АВПРИ. Ф.327. Оп.579. Д.313. Л.87.
37. Там же. Л.52 об.
38. РГИА ДВ. Ф.701. Оп.1. Д.233. Л.66—67.
39. АВПРИ. Ф.327. Оп.579. Д.313. Л.52 об.—53.
40. Там же. Л.76—77 об.
41. РГИА ДВ. Ф.701. Оп.1. Д.124. Л.58.
42. РГВИА. Ф.400 Оп.1. Д.856. Л.128.
43. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. С.126.
44. АВПРИ. Ф.143. Китайский стол (1882—1894). Оп.491. Д.2750. Л.36.
45. Там же. Л.37.
46. РГИА ДВ. Ф.701. Оп.1. Д.233. Л.57, 58 об.
47. Там же. Л.60, 64 об.
48. РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.856. Л.107 об., 128.
49. РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.136. Л.87 об.

SUMMARY. The author of the article «History of Creating the System of Administrating in the Far East of Russia» Helen Nesterova studies the problem of forming the efficient system of control and administrating on the territory of the Far East where the Chinese subjects lived. The position of the central Russian authorities as for the Chinese inhabitants in the Ussuriyskiy kraj was formulated in the 1860s by Minister for Foreign Affairs A.M. Gorchakov who recommended to secure all their rights they had had before. Later, in 1871 General-governor of the Eastern Siberia M.P. Sinelnikov recommended «to administrate all the population both Russian and the others». During this period there was being formed the image of the Chinese as not only strange but dangerous for the Russians. The author makes a conclusion that in the period when the territory of Priamurye was a part of the structure of the Eastern Siberian General-Governorship, the Russian administration was not able to exercise the integral program which could secure rational administrating Chinese population on the Russian territory.